

Поужинав, когда небо ещё не совсем потемнело, Цзян Сяои заметил, что бочка с водой почти пуста, и снова взял вёдра, чтобы принести воды. Отец Цзян во дворе колот дрова. Дома каждый день топили печь для готовки, и дров уходило много.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, припав к кровати Цзян Сяои, играли с Бай Цзыму, весело смеясь. Отец Цзян время от времени оборачивался и смотрел на них с нежностью.

Закончив с делами, Цзян Сяои, окутанный паром, вернулся в комнату.

Он лёг на бок и, несмотря на сопротивление Бай Цзыму, притянул его к себе в объятия. Пробормотав что-то себе под нос, он закрыл глаза. Бай Цзыму застыл, не смея пошевелиться. Ночная рубашка Цзян Сяои была из грубой ткани, и в прошлые ночи, когда она щекотала ему нос, он... сдёрнул её.

Цзян Сяои тогда это видел, но не остановил его, а позволил ему спать, уткнувшись в его грудь.

Тогда Бай Цзыму не видел в этом ничего плохого. Оба мужчины, чего бояться?

Сейчас же запах Цзаоцзя, смешанный с паром, лез ему в нос, рука Цзян Сяои лежала у него на талии, они были так близко друг к другу. Ночная рубашка Цзян Сяои колыхалась в такт его дыханию, нос по-прежнему щекотало, но Бай Цзыму не осмеливался больше сдёргивать с него одежду. При воспоминании о прошлых ночах ему хотелось отрубить себе лапы.

Он хороший человек, получил высшее образование, воспитанный, вежливый. Он не может совершить преступление против Цзян Сяои.

К тому же... между мужчинами должна быть дистанция. И нет в мире бесплатного сна. Если Цзян Сяои узнает, что он мужчина, и заставит его взять на себя ответственность, что тогда? Или, может, он просто заколет его ножом? И он истечёт кровью, а его голова покатится далеко-далеко, после чего Цзян Сяои в гневе выбросит его в отхожее место?

Та яма такая вонючая, такая глубокая, а вода в ней чёрная-чёрная...

От этих мыслей Бай Цзыму вздрогнул, по коже пробежали мурашки. Он не смел больше об этом думать. Заметив, что дыхание Цзян Сяои стало ровным — тот, должно быть, заснул, — он тихонько отодвинулся, пытаясь увеличить расстояние. Но Цзян Сяои, плотно прижавшись к нему, тут же снова притянул его к себе, погладил по спине и сонным голосом пробормотал, поцеловав Бай Цзыму, словно успокаивая:

— Будь умницей, спи, не двигайся.

Бай Цзыму замер.

У него же три ноги, а этот гэ'эр всё равно спит с ним?

Даже сейчас, в облике медведя, его мужское достоинство висит между лап, неужели этот гэ'эр не видит?

Самец медведя — тоже самец!

Почему этот гэ'эр совсем не соблюдает дистанцию с противоположным полом?

И... и целует его, такой активный.

Ну что ж.

Тогда он не виноват.

Когда он был мужчиной, за ним бегали девушки. Теперь, когда он даже не человек, всё равно нашёлся такой активный.

Это проклятое обаяние.

...

Собранные дрова не пролежали и двух ночей — Цзян Сяои по частям перетаскал их в город на продажу.

Рубить дрова — не самое тяжёлое. Самое тяжёлое — их продавать.

Несколько ли пути — это утомительно даже пешком, не говоря уже о том, чтобы нести на себе сотню цзиней груза.

Добравшись до города, нужно было ходить от дома к дому и предлагать товар. Продав дрова, нужно было спешить обратно за следующей партией.

Нога у отца Цзяна была больна, он не мог быстро ходить с тяжёлым грузом, к тому же от нагрузки нога начинала болеть. Поэтому продажей дров в основном занимался один Цзян Сяои.

В этот раз ему повезло. Одна семья, видимо, готовилась к какому-то пиру, устроила во дворе

несколько очагов. Увидев, что дрова у Цзян Сяои абсолютно сухие и все как на подбор толщиной с руку — такие лучше всего горят: слишком большие нужно колоть, а слишком тонкие быстро прогорают, — они купили у него десять вязанок. Если бы не это, Цзян Сяои пришлось бы продавать дрова ещё два дня.

В последний день, когда Цзян Сяои вышел из дома с вязанкой дров, Бай Цзыму заметил, что тот едва может выпрямить спину. За несколько дней и без того худой парень, казалось, похудел ещё больше. Одежда, которая и так была ему велика, теперь висела на нём мешком. Солнце палило нещадно, лицо его покраснело, но в то же время было бледнее, чем шерсть на теле Бай Цзыму, а губы потрескались.

Это было состояние крайнего утомления и обезвоживания.

Вечером, закончив с делами, Цзян Сяои сидел на краю кровати, его лицо выражало крайнюю усталость. Он нахмурился и принялся массировать себе плечи. Затем он вышел и принёс таз с горячей водой. Сев на край кровати, он начал прикладывать горячие компрессы.

Бай Цзыму, лежавший в глубине кровати, наблюдал за его худой и одинокой фигурой. Видя, как ему, похоже, было больно, он, поколебавшись, всё же подполз поближе.

На левом плече Цзян Сяои в некоторых местах кожа была содрана, она была красной, а под кожей виднелись синяки. Некоторые места, должно быть, были повреждены ещё несколько дней назад, и теперь покрылись чёрной коркой, которая на фоне бледной кожи выглядела как укол иглы, больно резавший глаз.

Сколько же дров нужно было перетаскать, чтобы довести себя до такого состояния.

Это всё-таки гэ'эр, который может рожать детей.

За эти дни Бай Цзыму, выглядывая из-за ворот, видел и других гэ'эров.

Раньше он не замечал разницы, но после встречи с гэ'эром Ваном он увидел ещё двух с большими животами.

У них была общая черта: они были ниже мужчин, с более хрупким телосложением, черты лица у них были мягче, не такие резкие, как у мужчин. Казалось, кроме этих небольших физических различий, между гэ'эрами и мужчинами не было никакой разницы.

Все они выглядели как мужчины.

Но, по сути, основной закон природы гласит, что самцы в большинстве своём сильнее самок.

И когда речь заходит о различиях между мужчиной и женщиной, многие неизбежно думают о силе, мощи.

Поэтому работа, требующая физических усилий, естественно, распределяется на мужчин.

Половые гормоны регулируют энергетические резервы человека. Они дают самкам молочные железы, обильный подкожный жир, упругую кожу, а самцам — грубые и легко растущие мышечные волокна, богатые мышечным гликогеном.

Поэтому большая сила у мужчин — это результат действия мужских гормонов, а меньшая сила у женщин — результат преобладания женских гормонов.

Мужчины вырабатывают мужские гормоны, которые делают их мышцы более грубыми, а кости — крупнее, чем у женщин.

Женщины вырабатывают женские гормоны, которые делают их мышцы более тонкими, а кости — меньше.

Слишком низкий уровень женских гормонов приводит к бесплодию.

Гэ'эры могут рожать детей, значит, уровень женских гормонов у них в определённой степени равен женскому.

Следовательно, это означает, что гэ'эры слабее мужчин.

Цзян Сяои, должно быть, ужасно устал. Хотя он никогда не жаловался на усталость, каждый раз, возвращаясь, он не отдыхал ни минуты. Иногда, мучимый жаждой, он быстро забежал на кухню, выпивал воды и снова уходил с вязанкой дров.

Казалось, он не устаёт.

Словно он и правда был как вол, способный трудиться без остановки.

Но в конце концов он человек, а люди устают. Цзян Сяои, должно быть, просто стискивал зубы и терпел.

Столько дров, бедняга.

Какова ситуация в этой семье, Бай Цзыму за эти дни уже понял.

Хотя у Цзян Сяои есть отец, но этот красивый дядя хромой. В этом мире, где без образования

можно выжить только за счёт физической силы, он был практически бесполезен.

Цзян Сяои выглядел не таким уж взрослым. Бай Цзыму решил, что он великодушен, и не стал держать на него зла за то, что тот хотел его зарезать.

Из сострадания он помассировал Цзян Сяои поясницу. Цзян Сяои замер, потом обернулся и посмотрел на него с удивлением и радостью.

— Ого, да ты умнее собаки.

Он даже умеет делать массаж. Собаки, которых держат те господа, такого не умеют!

Бай Цзыму замолчал.

Он обиделся. Пнув Цзян Сяои, он забрался вглубь кровати.

Цзян Сяои схватил его за короткую лапу и притянул к себе. Погладив его по голове, он ласково сказал:

— Что случилось? Помассируй мне ещё, мне так приятно от твоего массажа. — Его поясница болела, ныла и распухла, было очень неприятно.

Каждый раз, когда он продавал дрова, после работы у него всё тело болело. Несколько раз он даже не мог встать с кровати.

Но что поделать. У старосты деревни была телега с волом, но обычно она возила людей на рынок. Поездка туда и обратно стоила три взня, и в телегу помещалось восемь-девять человек. Если нанимать её для перевозки дров, то пришлось бы заплатить не меньше двадцати взней.

Цзян Сяои не мог потратить такие деньги.

Дрова стоили дёшево, одна вязанка — всего несколько взней.

Лучше уж самому потрудиться.

Бай Цзыму массировал его некоторое время. Цзян Сяои почувствовал облегчение. Лёжа на кровати, он притянул Бай Цзыму к себе, потёрся о его грудь и, несмотря на его сопротивление, улыбаясь так, что на щеках появились ямочки, поцеловал его.

Бай Цзыму замер.

Всё его тело напряглось, кожа натянулась.

Подбородок Цзян Сяои касался его макушки, его лицо было прижато к груди Цзян Сяои, плоть к плоти. Тот, закрыв глаза, всё ещё поглаживал его по заднице.

Сердце Бай Цзыму бешено колотилось. Ему казалось, что всё кончено.

Что это значит?

Неужели этот гэ'эр не побрезгует даже медведем?!

Иначе почему он всё время его целует? И... и трогает его за задницу.

Ведь если любишь, то и целуешь, и гладишь.

Раньше его целовали только мастер и старший брат. Иногда, когда он выходил из уединения и ел бамбук в секте, некоторые ученики хотели его обнять, поцеловать, но мастер и старший брат не разрешали. Они потом предупреждали его, что он должен быть добродетельным медведем, не позволять никому себя целовать и не целовать никого самому.

Тогда ещё была династия Цин, и Бай Цзыму мог это понять. Позже, прожив десять лет в миру, получив образование, он понял, что в поцелуе нет ничего страшного.

Но это место выглядело не как современный мир, и поведение Цзян Сяои было явно неправильным.

Этот гэ'эр... должно быть, имеет на него нечистые намерения!

Это было ужасно.

Здесь нельзя оставаться.

Если он останется, случится беда.

Приняв решение, Бай Цзыму стал тайно выжидать подходящего момента.

Возможно, удача ему улыбнулась. На следующий вечер такой момент настал.